

УДК 323.231323.231

Мартынов М. Ю., Ушакова Н. В.*Сургутский государственный университет**628412, Тюменская обл., г. Сургут, пр-т Ленина, д. 1., Ханты-Мансийский автономный округ Югра, Российская Федерация*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА С ВОЛОНТЁРСКИМ ДВИЖЕНИЕМ (КРОСС-РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

АННОТАЦИЯ

Цель. Исследование политических аспектов волонтерского движения, включая оценку его роли в снижении потенциала политической конфликтности, анализ возможностей политической ресоциализации и индоктринации сознания участников этого движения, а также – его возможностей стать самостоятельным политическим актором.

Процедура и методы. Методом выступал сравнительный анализ волонтерского движения в субъектах Российской Федерации, различающихся разной интенсивностью становления институтов гражданского общества. Эмпирическую базу исследования составили, проведенные авторами результаты социологического опроса, проведенного в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре и в Пермском крае.

Результаты. Проведенный анализ показал, что позитивным политическим эффектом развития волонтерского движения является вторичная политическая социализация его участников. При этом роль волонтерства в формировании солидарных связей в обществе остаётся небольшой, что, вероятно, связано с дефицитом альтруистической мотивации членов волонтерского движения. Возможности целенаправленной индоктринации средствами символической политики являются незначительными. Однако и возможности некоммерческой организации (НКО) в качестве платформы формирования гражданского самосознания также нельзя преувеличивать. В целом волонтерское движение не обладает ресурсами превращения в самостоятельный политический актор.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложенный авторами анализ институциональных возможностей и ограничений волонтерского движения углубляет теоретические представления об особенностях становления гражданского общества в современной России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

волонтерское движение, волонтерство, институты гражданского общества, некоммерческие общественные организации, политическая социализация, индоктринация

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31026.

СТРУКТУРА

[Введение](#)[Политические аспекты волонтерства в научной литературе](#)[Методы исследования](#)[Полученные результаты](#)[Обсуждение](#)[Заключение](#)

M. Martynov, N. Ushakova

Surgut State University

1 ul. Lenina, Surgut 628412, Tyumen Region, Khanty-Mansiysk Autonomous Region, Russian Federation

POLITICAL ASPECTS OF INTERACTION OF THE STATE AND CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS WITH THE VOLUNTEER MOVEMENT (CROSS-REGIONAL ANALYSIS)

ABSTRACT

Aim. To study the political aspects of the volunteer movement, including an assessment of its role in reducing the potential for political conflict, analysis of the possibilities of political resocialization and indoctrination of the consciousness of participants in this movement, as well as its possibilities to become an independent political actor.

Methodology is a comparative analysis of the volunteer movement in the constituent entities of the Russian Federation, differing in intensity of the formation of civil society institutions. The empirical base of the study was the results of a sociological survey conducted by the authors in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra and in the Perm Territory.

Results. The analysis has shown that a positive political effect of the development of the volunteer movement is the secondary political socialization of its participants. At the same time, the role of volunteering in the formation of solidarity ties in society remains small, which is probably due to the lack of altruistic motivation of members of the volunteer movement. The possibilities for purposeful indoctrination by mean of symbolic politics are insignificant. However, the possibilities of non-profit organization as a platform for the formation of civic consciousness should not be exaggerated either. In general, the volunteer movement does not have the resources to turn into an independent political actor.

Research implications. The analysis of the institutional possibilities and limitations of the volunteer movement proposed by the authors deepens the theoretical understanding of the peculiarities of the formation of civil society in modern Russia.

KEYWORDS

volunteer movement, volunteering, civil society institutions, non-profit public organizations, political socialization, indoctrination

ACKNOWLEDGMENTS

This article was financially supported by RFBR and EISS in the framework of scientific project No. 20-011-31026.

ВВЕДЕНИЕ

Политические смыслы взаимодействия государства с общественными организациями, характерными для прежнего – советского – периода отечественной истории, обычно связывают со стремлением использовать их в качестве проводников официальной идеологии и средства политического контроля. Считается, что уже с 1930-х гг. в СССР «осуществлялось огосударствление общественных организаций, переставших быть добровольными, ... основанных на принципе принудительного участия в них советских граждан» [21, с. 39]. В силу такого квази-гражданского характера возможность существовавших в период социализма общественных организаций влиять на реальную политику оказывались ничтожны [3, с. 452; 28, с. 286].

Создание нового, демократического типа государственности в постсоветский период положило начало формированию институтов гражданского общества и его основных элементов – самоорганизующихся общественных ассоциаций. Однако достаточно быстро выяснилось, что «эти новые добровольные организации, во-первых, не дали массовости; во-вторых, их оказалось не так уж и много» [22, с. 41–42].

Дефицит участия граждан в развитии институтов гражданского общества компенсировался их активной поддержкой со стороны государства. Тем не менее, последствия такой поддержки оцениваются в работах исследователей весьма противоречиво, поскольку в классическом понимании главным признаком гражданского общества выступают его независимость от государства и влияние на принятие решений, что «создаётся помощью определенных форм самоконституирования и самомобилизации» [9, с. 7].

Теоретическим оправданием активного участия государства в формировании институтов гражданского общества стало переосмысление их трактовки в неклассическом духе в виде своего рода «теории институционального партнёрства». Её апофеозом явилась концепция «общественно-государственного подхода к управлению» [24, с. 240].

Но такая трансформация институтов гражданского общества в элемент системы управления имела и негативные последствия.

Во-первых, гражданские институты перестают быть самостоятельными политическими акторами, поэтому «общественность “играет третьим номером” и не имеет больших шансов на продвижение своей повестки в сферу практических планов правительства» [19, с. 19].

Во-вторых, из диалога с государством элиминировались те организации, которые не были включены в структуру партнёрских отношений с государством. Так, в последнем докладе о состоянии гражданского общества Общественной палаты РФ, позиционирующей себя «как центральный институт организованного гражданского общества»¹, пространство этого общества оказалось, тем не менее, ограничено исключительно рамками государственно-общественного взаимодействия. Более того, «несистемные» организации нередко испытывали внешнее давление [29, с. 533], провоцируя оппозиционные настроения.

В-третьих, как показывают результаты социологических опросов, общественные организации, утратив свою независимость, потеряли и доверие к себе в глазах населения². В результате институты государственно-общественного партнёрства сегодня, может быть, и способны легализировать решения власти, но не в состоянии их легитимизировать.

¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год. М.: Общественная палата Российской Федерации. 2019. 78 с. С. 4.

² Деятельность общественных институтов // Официальный сайт ВЦИОМ : [сайт]. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshestvennykh_institutov (дата обращения: 02.11.2020); Доверие институтам // Официальный сайт Левада-Центра : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam> (дата обращения: 02.11.2020).

Таким образом, примерно с начала 2010-х гг. можно говорить об определённой стагнации институтов гражданского общества. Реакцией на этот кризис, связанный с исчерпанностью потенциала их прежних форм, стало развитие волонтерского движения.

В первую очередь, этот институт априори пользовался доверием населения уже в силу своей безусловной и очевидной общественной пользы. Ведь волонтерство является вкладом, «который частные лица вносят в виде деятельности, осуществляемой не на коммерческой основе, не за плату или ради перспективы карьерного роста, а в интересах благополучия своих соседей или общества в целом»³.

Кроме того, в отличие от прежних замкнутых на себя НКО, волонтерство обладало потенциалом трансформации в массовое движение, обеспечивая доступ к общественно-позитивной деятельности значительного числа граждан (в этом смысле, наследуя опыт массовых общественных организаций советского периода).

В-третьих, внешняя политическая индифферентность превращала волонтерство в удобное средство трансляции политических смыслов, вплоть до использования в качестве инструмента индоктринации. Например, государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» прямо предполагает «развитие волонтерского движения как важного элемента системы патриотического воспитания молодежи»⁴.

Аналогичным образом, задачу индоктринации в форме патриотического воспитания не скрывают, например, и авторы доклада Общественной палаты РФ о состоянии гражданского общества, подчёркивая, что формирование системы традиционных ценностей и «патриотическое воспитание наряду с развитием добровольческих практик остаётся одним из важнейших направлений государственно-общественного диалога»⁵.

Целью нашего исследования является анализ политических аспектов волонтерского движения. Это предполагает оценку его роли в снижении потенциала политической конфликтности, анализ возможностей политической ресоциализация и индоктринации сознания участников этого движения, а также его возможностей стать самостоятельным политическим актором. Теоретическую значимость исследованию придаёт необходимость объяснения проблем, возникающих в процессе самоорганизации граждан и их взаимодействия с государством в ходе становления институтов гражданского общества в современной России.

³ Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов: методологические исследования / Организация Объединённых Наций. Нью-Йорк, 2006. 363 с. (Серия F. № 91). С. 291–292.

⁴ Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» // Правительство России : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 02.11.2020).

⁵ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год. М.: Общественная палата Российской Федерации. 2019. 78 с. С. 58.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЛОНТЁРСТВА В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В научной литературе весьма позитивно оцениваются социальная и экономическая функция волонтерства. В первую очередь, потому что добровольная работа – это тот инструмент некоммерческих организаций, который обеспечивает низкие транзакционные издержки, позволяя «третьему сектору» экономики вытеснять государственные учреждения как менее эффективные [5; 6; 13; 14; 18].

Гораздо меньше внимания привлекают политические аспекты волонтерства. Между тем, они не менее важны, если, например, вспомнить замечание А. де Токвиля, что любое гражданское участие можно оценить как политическое, поскольку оно формирует солидарные связи в обществе [20, с. 191–192].

Очевидно, что это утверждение полностью распространяется на волонтерское участие. Именно в таком ключе исследует его, в частности, Н. Элиасоф, рассматривая в своей монографии роль добровольческих организаций не только в решении практических социальных проблем, но и в более широком контексте как способ преодоления классового неравенства [27].

Другим политическим аспектом являются риски потенциального конфликта между государством и волонтерскими организациями в связи с разными подходами к решению общественных проблем. Американский политолог Марк Уоррен подчёркивает, что сами по себе гражданские ассоциации носят неполитический характер, но точки пересечения их интересов с государственными грозят конфликтами [30, р. 56–58]. Зарубежный опыт, на который ссылаются отечественные авторы, показывает, что «типична ситуация, когда волонтер в непосредственном контакте с объектом заботы (к примеру, бездомными) начинает задумываться о структурных причинах, повлекших наличное состояние объекта заботы. Как только волонтер начинает задумываться об устранении причин, вызывающих, к примеру, безработицу, его волонтерская деятельность приблизится к тому, что принято называть активизмом» [7, с. 36–37].

Это ставит вопрос о волонтерском движении как самостоятельном политическом субъекте, в том числе, способствующем политической социализации как собственных членов, так и других граждан. Задача этого субъекта, пишет Д. Гротти, состоит в том, чтобы в то время, как государство стремится ограничить его функции исключительно общественно-государственным контролем, «преподавать гражданам демократические нормы и ценности», [26, с. 87].

В России этот конфликт приобретает, кажется, ещё более выраженный характер. По крайней мере, М. В. Певная на основе проведённых исследований пишет, что «практики российского управления волонтерством демонстрируют возможности пересечения двух взаимоисключающих начал: командно-административного внешнего (государственного) управления и потенциально сильной самоорганизующейся системы добровольчества [17, с. 70].

Соответственно, поддерживаемое государством волонтерство рассматривается как «провластное», «охранительное», основной целью деятельности которого выступает сохранение статус-кво и «поддержание гражданского устройства». В волонтерах же некоммерческих организаций нередко видят альтернативу волонтерам организаций, курируемым государством. Подчеркивается, что волонтерские организации, создаваемые НКО, направлены на «гражданское переустройство», изменение статус-кво» [7, с. 35].

Логичным продолжением этого подхода является вывод о практике индоктринации «государственных» волонтеров, в том числе, в духе «государственного патриотизма»⁶. Например, О. Н. Яницкий высказывает предположение, что мотивация волонтеров, привлекаемых в организации, создаваемые государством, и некоммерческие, общественные организации, не просто различна, а противоположна. «Гражданские» волонтеры, по его представлению, – «это люди, лично мотивированные на помощь другим вне зависимости от места и времени, а также от социального положения тех, кто нуждается в помощи, ставящие интересы отдельных людей и групп выше своих собственных» [25, с. 77]. «Государственных» волонтеров он описывает как тех, кто выполняет, по сути, политическую функцию поддержки действующей власти. Соответственно, и управление ими осуществляется путём использования рычагов как материального, так и индоктринального воздействия. Следуя этой логике, исследователь считает, что «государственные» волонтеры – это люди, «мотивированные государством идеологически, статусно и материально. Они – исполнители чужой воли или приказа (перед каждым массовым мероприятием они проходят специальный инструктаж), то есть выполняют охранительные и организационные функции» [25, с. 77].

Однако другие авторы не усматривают подобных рисков в практике волонтерского движения [4; 8].

Дискуссионность сформулированных в литературе предположений превращает их в гипотезы, требующие проверки, которая была предпринята нами средствами эмпирического исследования. В ходе него предполагалось ответить на ряд вопросов. Способствует ли современное волонтерское движение в России формированию солидарных связей в обществе, и какова его роль в снижении социальных противоречий и потенциала политической конфликтности? Происходит ли в ходе занятия волонтерской работой политическая ресоциализация его участников? Используется ли государством, участвующим в поддержке волонтерства, возможность индоктринации его членов? Способно ли волонтерское движение стать самостоятельным политическим актором, включая, в случае нужды, оппонирование власти вплоть до превращения в оппозиционный политический активизм?

⁶ Патриотизм является безусловной общественной ценностью. Однако усилия по «педалированию» его дискурса в рамках государственной символической политики нередко подвергались критике за стремление «облучать общество в духе советских традиций упрощённо-патриотическими идеологемами» [10, с. 145].

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологически мы исходили из институционального подхода, полагая, что роль волонтерства в политических процессах определяется степенью успешности зрелости институтов гражданского общества в целом. Данный подход предполагает, в свою очередь, использование сравнительных приёмов исследования. В нашем случае это было сравнение волонтерского движения в субъектах Российской Федерации, различающихся разной интенсивностью становления институтов гражданского общества – в Пермском крае и в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре.

Расположенные по разные стороны от Уральских гор, эти два субъекта РФ, несмотря на относительную географическую близость и примерно одинаковый уровень экономического развития, имеют заметные различия в характере и динамике становления гражданского общества.

Экономика Пермского края носит более многоотраслевой характер, т. к. включает как предприятия машиностроения (преимущественно оборонные), так и связанные с нефтедобычей, нефтепереработкой, производством минеральных удобрений. Это обстоятельство способствовало появлению большего числа политических акторов с собственными политическими интересами, и в результате, как отмечали исследователи, здесь уже «1990-е гг. сложилось несколько мощных элитных группировок, ни одна из которых не стала доминирующей» [16, с. 77].

Политический режим, образовавшийся в постперестроечный период в Пермском крае, исследователи склонны относить к типу прогрессистской коалиции, подчёркивая, что, благодаря плюрализму акторов, она оказалась открыта для общественности, представленной гражданскими активистами. Особенно заметной роль общественности стала в ходе обсуждения и решения вопросов, связанных преимущественно с градостроительной и экологической политикой [2].

С конца 1990-х гг. в российском политическом дискурсе сформировалось представление о Перми как о «либеральной столице» России. Как писали исследователи, «Прикамье является своеобразным оазисом, где организации третьего сектора относительно многочисленны и сильны. Пермь относится к городам, где статус и активность третьего сектора отличается повышенным по сравнению со среднероссийскими показателями активизмом. Следует отметить, что активность пермского третьего сектора оказывается важной не только для региона и отдельных его территорий, но и в целом для России» [1, с. 136–137].

В то же время исследователи, изучающие сегодня ситуацию в городах Пермского края, делают достаточно определённый вывод о стагнации на его территории в настоящее время институтов гражданского общества [23].

Что касается Ханты-Мансийского автономного округа, к благоприятному «стартовому» фактору развития волонтерского движения стоит отнести

возможность региональной власти оказывать существенную материальную поддержку волонтерскому движению в силу относительно благополучной бюджетной ситуации⁷. Не случайно сегодня в Югре работает уже более 400 добровольческих организаций, объединяющих более 10000 человек⁸. Перед волонтерским движением сформулированы весьма амбициозные задачи: по итогам 2020 г., согласно целевым показателям Концепции развития добровольчества в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, доля населения Ханты-Мансийского округа, участвующего в добровольческой деятельности, должна составить 43%.

В то же время, формированию солидарных связей как основы гражданского общества препятствовала интенсивная миграционная динамика в регионе. Сказывалась и низкая плотность населения, территориальная разобщенность. Но главным фактором, пожалуй, явился моноэкономический характер производства. Монополизация крупными предприятиями в северных городах рынка труда обеспечивала существенный дополнительный социальный контроль за работником, блокируя, в случае необходимости альтернативную гражданскую позицию [12, с. 110]. Не случайно, например, действия граждан по самоорганизации и созданию инициативных групп для защиты своих интересов легко блокируются властью весьма простыми средствами политической демобилизации [15].

Другим неблагоприятным фактором явилась неразвитость малого и среднего бизнеса, выступавшего в других регионах социальной основой формирования гражданского общества и ресурсом развития НКО [11, с. 44]. Патронирование государством развития институтов гражданского общества, в том числе волонтерства, когда за департаментами правительства региона закреплено курирование профильных волонтерских организаций, обеспечивает их интенсивное развитие, но обостряет проблему их субъектной независимости.

Генеральной совокупностью массового опроса выступали участники волонтерского движения из числа граждан Ханты-Мансийского автономного округа-Югры и Пермского края. Объем выборочной совокупности составил по 800 респондентов в каждом регионе. Половину опрошенных составляли волонтеры, входящие в организации, курируемые государственными органами, а вторую половину – представляли респонденты, относящиеся к организациям, созданными НКО. Расчет выборки по территориям осуществлялся исходя из численности населения, проживающего в населенных пунктах разного типа. Опрос осуществлялся методом формализованного интервью по телефону или методом анкетного опроса по Интернету.

⁷ Ханты-Мансийский автономный округ-Югра // Единый официальный сайт государственных органов : [сайт]. URL: <http://www.admhmao.ru/ob-okruge/obshchie-svedeniya/ekonomika> (дата обращения: 02.11.2020).

⁸ Доклад о деятельности общественной палаты ХМАО за 2018 г. // Общественная палата Ханты-Мансийского автономного округа-Югры : [сайт]. URL: http://www.ophmao.ru/upload/iblock/a63/Doklad2018poslednie-pravki-_2_.pdf (дата обращения: 04.11.2020).

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Судя по ответам, большая часть респондентов – 40% – занимается волонтерской работой три-четыре года. Ещё 25% – это начинающие волонтеры со стажем такой работы менее двух лет. Доля опытных волонтеров – от пяти лет и выше – составляет 23% опрошенных.

Наиболее активной возрастной когортой, занимающейся волонтерством, судя по результатам опроса, является диапазон 22–34 года, на который приходится более половины респондентов. Примерно каждый шестой – это ещё более молодые люди от 18 до 21 года. Подавляющее число опрошенных – 94,2% – имеют высшее, незаконченное высшее или среднее профессиональное образование. Практически, две трети волонтеров составляют женщины.

Можно выделить «ядро» и «периферию» волонтерского движения. При этом в Югре, как оказалось, в несколько большей мере предпочтение отдаётся организованным (чаще всего – государством) формам волонтерства (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Структура волонтерского движения в зависимости от формы участия / The structure of the volunteer movement depending on the form of participation

Варианты ответов*	ХМАО	Пермский край
«Ядро»		
Являюсь членом самостоятельной волонтерской организации, регулярно участвую в её работе	31,2%	25,8%
Регулярно участвую в волонтерской работе, хотя и не являюсь членом самостоятельной волонтерской организации	26,7%	36,3%
«Периферия»		
Нерегулярно участвую в мероприятиях в качестве волонтера, хотя формально являюсь членом волонтерского движения	14,4%	25,6%
Не являюсь постоянным членом волонтерского движения, но иногда принимаю участие в различных мероприятиях в качестве временного волонтера	24,2%	15,8%

*помимо указанных вариантов анкета предлагала ответ «другое» и «затрудняюсь ответить»

С точки зрения социального состава в структуре волонтерского движения выделяются два кластера. Первый составляет почти половина опрошенных, для которых занятие волонтерством в той или другой форме связано с основным видом деятельности. Значительная их часть – 18% – работают на постоянной основе в волонтерской организации или в НКО, привлекающей волонтеров. Ещё 8% – это волонтеры, также постоянно используемые малым бизнесом. Наконец, значительное число волонтеров этого кластера – 16,2% –

представлено безработными, для которых периодическое участие в волонтерстве предоставляет возможность занятия социально-полезной деятельностью, а в ряде случаев, и дополнительного заработка.

Во второй кластер объединены респонденты, для которых волонтерская работа не является основной и выполняется в свободное время. Наиболее активными оказались здесь представители сферы услуг, составившие 21% всех опрошенных респондентов. Вторую группу по численности в этом кластере представляют «бюджетники», в первую очередь, учителя и врачи – 13,6%. Доля государственных, муниципальных служащих – 2,4%. И значительный отряд волонтеров – каждый десятый – представлен студенчеством.

Неожиданно незначительным – всего около 7% – оказалось число волонтеров из числа занятых в производственной сфере. Причём основная доля волонтеров, занятых в производственной сфере, приходится на Пермский край, и большее число из них относится к строительной отрасли. Но это, пожалуй, единственное заметное отличие в структуре волонтерства между двумя исследуемыми субъектами РФ, с точки зрения формы участия и состава участников движения.

Более существенными оказались различия в направлениях волонтерской работы (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Направления волонтерской деятельности / Areas of volunteering

п/п	Какими видами волонтерской деятельности Вам занимаетесь?	ХМАО	Пермский край	В среднем
1	Экологическое волонтерство, охрана природы	19,0%	23,9%	21,4
2	Спасательное волонтерство, помощь при чрезвычайных ситуациях, пожарах, наводнениях, эпидемиях и пр.	21,3 %	18,2%	19,8
3	Социальное волонтерство, помощь пожилым людям, инвалидам, больным детям и т. д.	30,0%	37,2%	33,6
4	Волонтерское движение, направленное на формирование патриотизма	11,2%	2,6%	7,4
	Политическое волонтерство (помощь избирательным комиссиям, участие в партийной агитации)	4,2%	2,4%	
5	Спортивное и культурное волонтерство, помощь при проведении спортивных, культурных, выставочных, научных и пр. мероприятий	20,3%	11,4%	17,6
6	Правозащитное волонтерство	2,6	3,1	2,8
7	Другие виды волонтерской деятельности	0%	1,2%	0,6

Субъективным компонентом волонтерства выступала, в первую очередь, мотивация участия в волонтерской работе. Она измерялась ответами на «закрытый» вопрос: «Какими мотивами Вы руководствовались, принимая решение участвовать в волонтерской деятельности?» Полученные ответы были объединены в три группы.

Первая группа – это альтруистические мотивы: желание оказать безвозмездную помощь другим людям, помощь инвалидам, престарелым и пр., стремление помочь людям, попавшим в чрезвычайную ситуацию, нуждающимся в материальной поддержке. Вторая группа – личные мотивы: возможность самореализации, приобретения новых друзей, получение заработка, возможность решить волнующую лично его проблему. Именно эти мотивы указывали как основные большинство респондентов – примерно двое из каждых троих опрошенных. В третью группу были объединены политические мотивы: стремление решить социальные проблемы, возможность публично выразить своё недовольство социальной обстановкой, возможность повлиять на политику городских и муниципальных властей (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Распределение мотивов участия в волонтерском движении в зависимости от «государственного» или «общественного» типа организации / Distribution of motives for participation in the volunteer movement depending on the “state” or “public” type of organization

Мотивы участия	ХМАО	Пермский край
Альтруистические	18,13	22,25
Личные	72,55	68,20
Политические (общественные)	9,24	11,55

При этом включение в волонтерское движение связано не только с личной мотивацией, но и с активной работой органов власти и государственных учреждений. Вступление в ряды волонтеров в более чем сорока процентов случаев происходит по их инициативе. Причём в ХМАО-Югре эта роль государства в привлечении новых членов оказалась заметно выше (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Распределение ответов на вопрос: «Каким образом Вы попали в число волонтеров?» с территорией опроса / Distribution of answers to the question: "How did you become a volunteer?" with the survey area

	ХМАО	Пермский край	всего
Пригласили знакомые, друзья	36,8%	38,5%	37,6%
Предложили принять участие в мероприятиях в качестве волонтера руководства предприятия, организации, учреждения, в котором работаю или учусь	47,6%	38,2%	43,1%
Обратился в волонтерскую организацию самостоятельно, узнав о волонтерском движении из рекламы, объявлений в СМИ, из социальных сетей	14,6%	21,0%	17,2%
Другое	2,0%	2,3%	2,1%

Наибольшее число ответов на «открытый» вопрос о том, на решение каких общественных проблем направлена работа их организаций, респонденты указывали на необходимость поддержки людей с ограниченными возможностями, сохранение природы, помощь учреждениям в проведении мероприятий. Но при этом возможности волонтерства по формированию социально справедливых отношений или снижения социальной конфликтности в поле их внимания не попадают.

Существенная роль внешнего фактора при включении в волонтерское движение порождает феномен слабой внутренней сплоченности его участников. Лишь каждый десятый опрошенный дал утвердительный ответ на вопрос: *«Ощущаете ли Вы себя частью волонтерского коллектива как особого сообщества людей, занятых выполнением важной миссии?»*. Обладателями наибольшей групповой идентичности оказались члены спасательного и социального волонтерства, а в наименьшей – участники политического волонтерства.

Однако почти 40% опрошенных заявили, что никакой сплоченности не ощущают, и более 40% вообще затруднились ответить на этот вопрос.

Далее респондентам было предложено дать самооценку респондентами характера собственной личностной и политической социализации. Лишь 6% опрошенных заявили, что волонтерская работа никак не повлияла на становление их личности и отношения. Большинство же (66,4%) указали факторы личностной социализации: «приобрёл навыки общения, развил организационные умения и навыки», «стал более ответственным, организованным». Ещё примерно каждый четвертый (25,6%) указал на факты, которые можно интерпретировать как общественную, политическую социализацию: «стал

больше интересоваться общественной жизнью и политикой», «стал лучше понимать социальные проблемы населения, жизнь людей», «разочаровался в общественной деятельности».

При этом доля респондентов, указавших на личностную социализацию в Пермском крае (69,7%), оказалась выше, чем в Югре (64,2%). В то же время число респондентов автономного округа, отметивших политическую социализацию, превосходит эту группу опрошенных в Пермском крае (29,3% против 21,6%).

Для обеих групп респондентов оказалась характерна закономерность: по мере продолжительности занятия волонтерской работой самооценка возможностей личностной социализации снижается, а политической, наоборот, возрастает.

Тем более, неожиданным фактом стало обнаружение значительного числа респондентов, разочаровавшихся в волонтерской работе, о чем заявили почти четверть опрошенных. Причём в большей мере – около тридцати процентов – приходится на Пермский край.

Причины такой реакции объясняют ответы на вопрос: *«Столкнулись ли Вы с проблемами в ходе участия в волонтерских мероприятиях, и если столкнулись, то с какими?»*. Если не брать в расчёт затруднившихся ответить, практически все остальные респонденты указали на существующие проблемы. Но если для Югры они оказались связаны главным образом с «непониманием целей волонтерского движения со стороны населения», также – «с бюрократизмом, формализмом, пренебрежительным отношением к волонтерам со стороны организаторов волонтерского движения», то для многих волонтеров Пермского края к этому добавляется ещё и убеждение, что «реальные общественные проблемы с помощью волонтерского движения решить невозможно».

Вполне ожидаемым стало то, что почти каждый десятый опрошенный (8,8%) заявил о желании выйти из волонтерского движения. Причём большая часть из этого числа приходится на Югру.

Но наиболее важным обстоятельством выглядит то, что, как показывает сравнение уровня доверия/недоверия институтам власти групп респондентов, собирающихся продолжать участвовать в волонтерском движении и собирающихся выйти из него, это стремление покинуть его ряды прямо указывает на корреляцию с пониженным уровнем доверия.

Патриотизм в современной России играет роль неформальной государственной идеологии. В связи с этим вопрос о самоидентификации себя в качестве «патриотов-не патриотов», заданный респондентам, должен был показать их отношение к ценностям, транслируемым в рамках официальной символической политики.

Самооценка респондентами из числа волонтеров себя в качестве «патриотов» составила 97%, и действительно, оказалась несколько выше, чем

представлена, например, в опросах ВЦИОМ по общероссийской выборке – 89%⁹. При этом разница в этой самооценке между респондентами, опрошенными в разных регионах, а также между «государственными» и «общественными» волонтерами оказалась несущественной.

О достаточно высоком уровне политической социализации гражданско-го характера говорит и то, что лишь 3,4% респондентов на вопрос, определяющий соотношение гражданской и национальной идентичности, заявили, что «в первую очередь, ощущают себя представителем своей национальности, и в меньшей мере чувствуют себя россиянами». Для подавляющего большинства – 81,6% оказался характерен ответ «чувствую себя только гражданином Российской Федерации, россиянином, и национальная принадлежность для меня не имеет большого значения». Ещё 11,8% заявили, что «одновременно ощущают себя и россиянами, и представителями своей национальности».

В то же время вопрос о возможности индоктринации членов волонтерского движения выглядит не столь однозначно. Так, выяснилось, что уровень доверия респондентов из числа волонтеров, выясненный в ходе опроса, например, президенту и правительству, составляет 45%, а правительству – 23%, что заметно ниже, нежели рейтинг доверия, фиксируемый в общероссийских опросах¹⁰. Причём этот уровень доверия у волонтеров организаций, курируемых государством, оказался даже несколько ниже, нежели у «общественных» волонтеров. Примерно такой же оказалась ситуация и при сравнении регионов. Доверие институтам власти в Югре – регионе с более интенсивным участием государства в поддержке волонтерства – оказалось меньше, чем у волонтеров, опрошенных в Пермском крае.

Сравнительно невысокими оказались и электоральные симпатии опрошенных волонтеров по отношению к партии «Единая Россия» – около 40%, – а поддержка оппозиционных партий, наоборот, достаточно заметной.

Причём если в ХМАО, отвечая на вопрос: «*Как Вы считаете, в интересах каких групп действует сегодня российская власть?*», лишь 5,1 % респондентов ответили, что «в интересах чиновников и олигархов», то в Пермском крае таковых оказалось вдвое больше – 10,2%.

В связи с этим важно было выяснить, насколько члены волонтерских организаций готовы принимать участие в протестных действиях. Как выяснилось, их число незначительно – чуть более 2%. Хотя несколько неожиданно, в большей мере готовы одобрить такие действия волонтеры Югры. Но в целом готовность участия в массовых акциях невелика, а отношение к подобным мероприятиям у большинства опрошенных весьма критическое.

⁹ Патриотизм сегодня: не только любить, но и работать. Официальный сайт ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/moral-relations/article/patriotizm-segodnja-ne-tolko-ljubit-no-i-rabotat.html> (дата обращения: 02.11.2020).

¹⁰ Деятельность государственных институтов. Официальный сайт ВЦИОМ : [сайт]. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyx_institutov (дата обращения: 02.11.2020).

ОБСУЖДЕНИЕ

Вполне определённо можно утверждать, что участие в волонтерском движении, независимо от региона опроса, интенсифицируют процессы вторичной политической социализации. Об этом свидетельствуют и собственная самооценка респондентами большего понимания общественных проблем в результате занятия волонтерской работой, и их утверждение о возрастающем интересе к политике по мере продолжения этой работы, и достаточно высокий уровень самоидентификации в качестве «патриотов» и граждан государства. При этом интенсивность политической социализации в Югре оказалась даже несколько выше, по сравнению с Пермским краем.

Другой особенностью стало то, что меньший опыт функционирования институтов гражданского общества в Ханты-Мансийском автономном округе привёл, вероятно, к более активной роли государственных учреждений в управлении волонтерским движением и привлечении граждан к участию в нём. Это влияние государства сказалось, очевидно, и на структуре волонтерского движения, предпочтение в котором оказалось отдано спасательным, спортивно-культурным организациям и движениям, направленным на формирование патриотического сознания. В то время как в Пермском крае, где в организации волонтерского движения участия государства заметно меньше, а роль НКО больше, выше оказалась доля экологического и социального волонтерства.

Но, если говорить о содержательной части политической социализации, то, как выяснилось, предположение, что участие государственных учреждений в управлении волонтерским движением ведёт к индоктринации его членов, в то время как у волонтеров организаций, возникающих под эгидой НКО, политическая социализация развивается в направлении большей мировоззренческой свободы и гражданской активности, не подтвердилось. Например, уровень доверия институтам власти или электоральная поддержка правящей партии оказалась в Югре - регионе с более интенсивным участием государства в поддержке волонтерства – даже меньше, чем у волонтеров, опрошенных в Пермском крае.

Вероятно, «государственный» волонтер чаще сталкивается при организации работы и с фактами бюрократизма, формализма. Это порождает критическое отношение к деятельности политических институтов и власти в целом. Не случайно ответы респондентов, заявивших о разочаровании в волонтерской работе у этой категории достаточно сильны. В этом смысле погоня за массовостью и стремление к индоктринации как можно большего числа граждан демонстрирует прямо противоположные результаты – формирование негативного отношения к организаторам, которое может переноситься затем и на сами цели движения, дискредитируя их. Как следствие, подобная вторичная политическая социализация, оборачивается тем, что можно назвать «негативной индоктринацией».

В то же время ожидаемого более высокого уровня гражданского активизма у волонтеров в Пермском крае как регионе с успешным развитием институтов гражданского общества также не обнаружено. Их готовность, например, участвовать в массовых политических акциях оказалась столь же невысока, а отношение к подобным мероприятиям неожиданно явилось весьма критическим.

Как представляется, недостаток политического активизма, обнаруживающийся у волонтеров в обоих субъектах Российской Федерации, связан с более общей проблемой мотивации участия в волонтерской работе.

Большинство респондентов руководствуется не альтруистическими, а личностными мотивами. Конечно, это далеко не всегда утилитарные соображения вроде желания сделать карьеру или получить вознаграждение. В основном отмечалось стремление к общению, коммуникации, но и это всё-таки лично ориентированная мотивация. Это снижает возможности позиционирования волонтерства в качестве актора формирования солидарных связей в российском обществе.

Справедливости ради отметим, что и в официальных документах, посвящённых волонтерству, альтруистическим ценностям не нашлось места. Например, в Концепции развития добровольчества Югры основными задачами добровольческой деятельности названы: «Реализация личностного потенциала ... Самовыражение и самоопределение, заявление о жизненной позиции, определение персонального места в системе общественных отношений. Профессиональное ориентирование (возможность получить реальное представление о предполагаемой профессии или выбрать направление профессиональной подготовки). Приобретение полезных социальных и практических навыков Возможность общения, дружеского взаимодействия с единомышленниками. Приобретение опыта ответственного лидерства и социального взаимодействия. Организация свободного времени»¹¹.

Проявление несправедливости или неэффективности в деятельности власти респонденты обнаруживали лишь тогда, когда речь заходила об их собственной волонтерской работе. В этом случае, в ответах на вопросы следовали достаточно многочисленные указания на формализм, бюрократизм, давление извне и пр.

Не случайно, например, никто из отвечавших на вопросы о целях волонтерства не указал на задачи, связанные с гуманизацией общественных отношений или смягчения социальных противоречий. Т. е. волонтерство не выступает в характерном, например, для зарубежного опыта более широком контексте – в качестве способа преодоления социального неравенства и достижения большей социальной справедливости. Подобный дефицит социально-этического, альтруистического содержания делает роль волонтерства в формировании солидарных связей в российском обществе весьма условной.

¹¹ Концепция развития добровольчества в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446493427> (дата обращения: 04.11.2020).

Но это, возможно, является и главной причиной внутренней слабости самого волонтерского движения, объясняя и недостаточную способность к самоорганизации, и слабость в качестве самостоятельной общественной силы. Судя по ответам респондентов, члены волонтерских организаций не ощущают внутренней сплоченности, собственной субкультуры и «волонтерской идентичности». Т. е. волонтерское движение слабо формирует солидарные связи не только вне себя, но и внутри собственных организаций. Это в значительной мере снижает потенциал волонтерства в качестве самостоятельного политического актора.

Феномен «слабости гражданского общества в постсоветских государствах» (М. Ховард) объясняется посредством либо негативной роли государства, либо его нежеланием развивать эти институты, либо его подчинение их своим интересам. Такие объяснения не являются, на наш взгляд, исчерпывающими, и роль государства здесь сильно преувеличена. Как отмечалось выше, контроль государственных учреждений за развитием волонтерского движения отнюдь не ведёт к индоктринации его членов, равно как и развитие гражданских институтов автоматически не гарантирует формирование гражданского активизма и гражданского общества.

Представляется затруднительным объяснить причины слабой самостоятельности волонтерского движения и его недостаточной роли в формировании солидарных общественных связей в рамках неинституционального подхода. Такая попытка оборачивается движением по кругу: слабость гражданского общества объясняется недостаточностью развития гражданских институтов, а недостаточность развития институтов – наоборот, слабостью гражданского общества.

Интерпретация проблемы должна опираться на более широкий – социальный – контекст. Например, обращение к социальному составу участников волонтерского движения показывает, как указано ранее, что значительную долю в нём составляют работники сферы услуг, безработные, учащиеся, а также штатные сотрудники НКО. Но для этих групп населения, которым характерен неустойчивый характер доходов (прекариат, по определению Г. Стэндинга), волонтерство является средством достижения главным образом частных, а не общественных целей. Поэтому главная проблема связана с отсутствием социальных групп и представляющих их политических акторов, заинтересованных в институтах гражданского общества как в инструментах формирования солидарных связей и решения общественных проблем. Не «злой умысел», связанный со стремлением манипулировать институтами гражданского общества и «индоктринировать» его членов, а отсутствие подобного актора и образующееся в результате пустое социальное пространство заставляют государство принимать активное участие в создании и управлении этими институтами, включая развитие волонтерства. Такие действия далеко не всегда удачны: об этом свидетельствует, например, получившийся в результате эффект «негативной индоктринации».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие волонтерского движения явилось реакцией на обнаружившуюся ограниченность НКО, которые оказались неспособны существенно влиять на формирование общественных настроений, а также предложить позитивные виды деятельности для массового участия. Новой форме работы частично удалось решить эти проблемы.

Результаты исследования в качестве позитивного политического эффекта волонтерского движения указали на вторичную политическую социализацию его участников. Особенно успешно она протекает в когнитивной и коммуникационной структурах их политического сознания. Достаточно массовый характер движения позволяет приобщить значительное число граждан к пониманию общественных проблем и закреплению в их политической картине мира системы гражданских ценностей.

В то же время роль волонтерства в формировании солидарных связей в обществе, а также в снижении социальной и политической конфликтности, остаётся небольшой, что, судя по результатам опроса, связано с дефицитом альтруистической мотивации членов волонтерского движения.

Что касается возможностей целенаправленной индоктринации средствами символической политики, то, вопреки первоначальной гипотезе, они оказались незначительными. Столь же преувеличенными в свете полученных данных выглядят и бытующие в ряде публикаций представления об НКО как источниках формирования гражданского самосознания. Проведённый сравнительный анализ политического сознания волонтеров в двух субъектах РФ, обладающих разным потенциалом развития гражданского общества, не продемонстрировал существенных различий в их политической социализации, а также роли самих организаций в политических процессах.

Наконец, полученные данные свидетельствуют, что волонтерское движение не в состоянии стать самостоятельным политическим актором, а политическим оппонентом власти – тем более. Этот вывод сделан на основе материала исследования всего в двух субъектах Российской Федерации, но учитывая их типологические различия, его можно распространить на всё движение в целом. В случае участия в политических процессах, волонтерству, скорее всего, грозит участь оставаться инструментом манипуляций.

Ограниченные возможности волонтерского движения и в формировании солидарных связей, и в проявлении политической самостоятельности объяснимы отсутствием социальной базы формирования политического субъекта гражданского общества. Дальнейшее исследование перспектив волонтерства в политических процессах должно быть связано с выяснением факторов, способных сформировать такой субъект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Н. В., Германов И. А., Плотникова Е. Б. Практики межсекторно-го взаимодействия и гражданская активность в Пермском крае // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2011. № 4 (16). С. 136–146.
2. Борисова Н. В., Сулимов К. А., Ковина О. В. Коалиции в городах Прикамья: факторы формирования и сохранения городских политических режимов // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2011. № 1. С. 5–14.
3. Верт Н. История советского государства. 1900–1991 / пер. с фр. М.: Прогресс-Академия, 1995. 544 с.
4. Добровольчество и волонтерство в России: традиции и тенденции / А. Ю. Гарашко, Т. Э. Петрова, Т. В. Черкасова, Л. Ф. Шаламова, С. В. Устинкин, П. И. Куконков, Н. М. Морозова, И. И. Задорожная, И. Ю. Швец, А. Б. Лымар, Н. А. Лымар, М. В. Певная, А. А. Кузьминчук, И. Э. Петрова; под ред. Т. Э. Петровой. М.: Русайнс, 2018. 108 с.
5. Ермилова А. В., Исакова И. А., Игнатьева В. И. Региональное проблемное поле волонтерства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 88–97.
6. Зборовский А. Г. Проблема волонтерства в структуре социологического знания // Вестник Пермского национального политехнического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2017. № 3. С. 8–23.
7. Истомина А. Г., Оберемко О. А. Легитимация протестного участия волонтеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 32–47.
8. Качалов А. Г. Корпоративное добровольчество как одна из форм волонтерской деятельности // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 3. С. 84–90.
9. Коэн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / пер. с англ; общ. ред. И. И. Мюрберг. М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. 784 с.
10. Магарил С. А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 142–151.
11. Мартынов М. Ю., Ушакова Н. В. НКО в системе социальных услуг России: тенденции и риски (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2019. № 2. С. 38–46.
12. Мартынов М. Ю., Пуртова В. С. Редистрибутивная модель социального поведения и межэтническая конфликтность // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 108–113.
13. Мерсиянова И. В. Факторы вовлеченности россиян в добровольческую деятельность // Эмпирические исследования гражданского общества. 2011. № 2. С. 39–45.
14. Миннигалиева Г. А. Добровольческая деятельность старшего поколения: преимущества и факторы участия // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 4. С. 19–22.
15. Палагичева А. В. Технологии политической демобилизации граждан в протестных кампаниях // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. № 1. С. 218–231.

16. Панов П. В, Пунина К. А. Сначала пишутся законы...или Пермское Законодательное собрание // Пермь политическая / под общ. ред. Л. А. Фадеевой. Пермь, 2004. С. 76–117.
17. Певная М. В. Развитие волонтерства в России: проблемы и противоречия // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 2. С. 230–236.
18. Сергиевская И. А. Волонтерство в контексте занятости // Экономика труда. 2016. Т. 3. № 3. С. 229–246.
19. Соловьев А. И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // Полис. 2019. № 4. С. 8–25.
20. Токвиль А., де. Демократия в Америке / пер. с франц. В. П. Олейника, Е. П. Орловой, И. А. Малаховой, И. Э. Иванян, Б. Н. Ворожцова; предисл. Г. Дж. Ласки; комм. В. Т. Олейника. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
21. Туманова А. С. Система взаимодействия публичной власти и общественных организаций в Российской империи, РСФСР и СССР: сравнительный анализ моделей // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2017. Т. 3. № 1 (9). С. 35–42.
22. Ховард М. М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе / пер. с англ. И. Е. Кокарева. М.: Аспект Пресс, 2009. 191 с.
23. Чирикова А., Ледяев В. Власть в моногороде: векторы перемен // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2020. Т. 14. № 2. С. 111–127.
24. Якимец В. Н. Состояние и направления развития публичной политики в России: механизмы, примеры, проблемы и перспективы // Управление публичной политикой: коллективная монография / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 240–251.
25. Яницкий О. Н. Волонтеры: гражданские и государственные // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1 (5). С. 71–89.
26. Crotty Jo. Making a Difference? NGOs and Civil Society Development in Russia // Europe-Asia Studies. 2009. № 1 (61). P. 85–108. DOI:10.1080/09668130802532936.
27. Eliasoph N. Making volunteers: civic life after welfare's end. Princeton University Press. 2011. 336 p. (Princeton Studies in Cultural Sociology).
28. Khvorostianov N., Remennick L. Coercion, Good Will, or Self-Interest? // Problems of Post-Communism. 2018. № 4 (65). P. 284–295.
29. Skokova Y, Pape U., Krasnopolskaya I. The Non-profit Sector in Today's Russia: Between Confrontation and Co-optation // Europe-Asia Studies. 2018. № 4 (70). P. 531–563.
30. Warren M. Democracy and Association. Princeton University Press, 2001. 280 p.

REFERENCES

1. Borisova N. V., Germanov I. A., Plotnikova E. B. [Practices of Intersectoral Interaction and Civil Activity in the Perm Area]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Series: Political Science], 2011, no. 4 (16), pp. 136–146.

2. Borisova N. V., Sulimov K. A., Kovina O. V. [Coalitions in the Cities of the Kama Region: Factors of the Formation and Preservation of Urban Political Regimes]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Series: Political Science], 2011, no. 1, pp. 5–14.
3. Werth N. *Istoriya sovetского gosudarstva. 1900–1991* [History of the Soviet Country. 1900–1991]. Moscow, Progress, Akademiya Publ., 1995. 544 p.
4. Garashko A. Yu., Petrova T. E., Cherkasova T. V., Shalamova L. F., Ustinkin S. V., Kukonkov P. I., Morozova N. M., et al. *Dobrovol'chestvo i volontyorstvo v Rossii: tradicii i tendencii* [Free-will Deeds and Volunteering in Russia: Traditions and Trends]. Moscow, Rusajns Publ., 2018. 108 p.
5. Ermilova A. V., Isakova I. A., Ignat'eva V. I. [Regional Problem Field of Volunteering]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki* [Bulletin of Nizhny Novgorod University Named After N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences], 2018, no. 2 (50), pp. 88–97.
6. Zborovskij A. G. [The Problem of Volunteering in the Structure of Sociological Knowledge]. In: *Vestnik Permskogo nacional'nogo politekhnicheskogo universiteta. Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of the Perm National Polytechnic University. Series: Socio-economic sciences], 2017, no. 3, pp. 8–23.
7. Istomina A. G., Oberemko O. A. [Legitimation of the Protest Participation of Volunteers]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2015, no. 6, pp. 32–47.
8. Kachalov A. G. [Corporate Volunteering as One of the Forms of Volunteering]. In: *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Volga Institute of Management], 2019, vol. 19, no. 3, pp. 84–90.
9. Cohen D. L., Arato E. *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya* [Civil Society and Political Theory]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2003. 784 p.
10. Magaril S. A. [Meanings of Patriotism – Historical Transformations]. In: *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2016, no. 1, pp. 142–151.
11. Martynov M. Yu., Ushakova N. V. [Nonprofit Organization in the System of Social Services in Russia: Trends and Risks (On the Example of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra)]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political science], 2019, no. 2, pp. 38–46.
12. Martynov M. Yu., Purtova V. S. [Redistributive Model of Social Behavior and Interethnic Conflict]. In: *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2017, no. 9, pp. 108–113.
13. Mersyanova I. V. [Factors of Russians' Involvement in Volunteerism]. In: *Empiricheskie issledovaniya grazhdanskogo obshchestva* [Empirical Studies of Civil Society], 2011, no. 2, pp. 39–45.
14. Minnigalieva G. A. [Volunteer Activity of the Older Generation: The Advantages and Factors of Participation]. In: *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil Society in Russia and Abroad], 2014, no. 4, pp. 19–22.

15. Palagicheva A. V. [Technologies of Political Demobilization of Citizens in Protest Campaigns]. In: *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], 2019, vol. 14, no. 1, pp. 218–231.
16. Panov P. V, Punina K. A. [First, Laws are Written ... Or the Perm Legislative Assembly]. In: *Perm' politicheskaya* [Political Perm], Perm', 2004, pp. 76–117.
17. Pevnaya M. V. [Development of Volunteering in Russia: Problems and Contradictions]. In: *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2014, no. 2, pp. 230–236.
18. Sergievskaya I. A. [Volunteering in the Context of Employment]. In: *Ekonomika truda* [Labor Economics], 2016, vol. 3, no. 3, pp. 229–246.
19. Solov'ev A. I. [Political Agenda of the Government, or Why the State Needs Society]. In: *Polis*. [Polis.], 2019, no. 4, pp. 8–25.
20. Tokvil' A., de. *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Moscow, Progress Publ., 1992. 554 p.
21. Tumanova A. S. [The System of Interaction between Public Authorities and Public Organizations in the Russian Empire, the RSFSR and the USSR: A Comparative Analysis of Models]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Social Sciences], 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 35–42.
22. Hovard M. M. *Slabost' grazhdanskogo obshchestva v postkommunisticheskoy Evrope* [The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2009. 191 p.
23. Chirikova A., Ledyayev V. [Power in a Single-Industry Town: Vectors of Change]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Series: Political Science], 2020, vol. 14, no. 2, pp. 111–127.
24. Yakimec V. N. [The State and Directions of Development of Public Policy in Russia: Mechanisms, Examples, Problems and Prospects]. In: *Upravlenie publichnoy politikoj: kollektivnaya monografiya* [Public Policy Management: collective monograph]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2015, pp. 240–251.
25. Yanickij O. N. [Volunteers: Civil and State]. In: *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 2014, no. 1 (5), pp. 71–89.
26. Crotty Jo. Making a Difference? NGOs and Civil Society Development in Russia. In: *Europe-Asia Studies*, 2009, no. 1 (61), pp. 85–108. DOI:10.1080/09668130802532936.
27. Eliasoph N. Making volunteers: civic life after welfare's end. Princeton University Press. 2011. 336 p. (Princeton Studies in Cultural Sociology).
28. Khvorostianov N., Remennick L. Coercion, Good Will, or Self-Interest? In: *Problems of Post-Communism*, 2018, no. 4 (65), pp. 284–295.
29. Skokova Y, Pape U., Krasnopolskaya I. The Non-profit Sector in Today's Russia: Between Confrontation and Co-optation. In: *Europe-Asia Studies*, 2018, no. 4 (70), pp. 531–563.
30. Warren M. *Democracy and Association*. Princeton University Press, 2001. 280 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 18.11.2020

Статья размещена на сайте: 25.12.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мартынов Михаил Юрьевич – доктор политических наук, главный научный сотрудник Сургутского государственного университета; e-mail: martynov.mu@gmail.com

Ушакова Надежда Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой политико-правовых дисциплин Сургутского государственного университета; e-mail: ushakova_nv@surgu.ru

Mikhail Yu. Martynov – Dr. Sci. (Political Sciences), Chief Researcher, Surgut State University; e-mail: martynov.mu@gmail.com

Nadezhda V. Ushakova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Departmental Head, Department of Political and Law Disciplines, Surgut State University; e-mail: ushakova_nv@surgu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Мартынов М. Ю., Ушакова Н. В. Политические аспекты взаимодействия государства и институтов гражданского общества с волонтерским движением (кросс-региональный анализ) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Martynov M. Yu., Ushakova N. V. Political Aspects of Interaction of the State and Civil Society Institutions with the Volunteer Movement (Cross-Regional Analysis). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 4. Available at: evestnik-mgou.ru